

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ БАНКРОТСТВО ВЕНЦЕНОСЦА («ЦАРЬ ФЕДОР ИОАННОВИЧ» А.К.ТОЛСТОГО)

© 2016 Е.А.Прокофьева

Прокофьева Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и информационной деятельности. E-mail: canopa@yandex.ru

Национальная металлургическая академия Украины. Днепропетровск, Украина

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Трагедии А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» (1864), «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1869) – три, в принципе, самостоятельных произведения. Тем не менее, они логично объединяются в драматическую трилогию, поскольку сходны проблематикой, хронологией, действующими лицами и коллизиями, переходящими из одной пьесы в другую. Благодаря этому их содержание прочитывается не как ряд частных случаев из жизни русских средневековых царских семей, а как вневременная этическая универсалия, осмысляющая взаимосвязь государственного долга, исторической и политической целесообразности, легитимации власти и человечности. В статье анализируется трагедия А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович». Характер главного героя рассмотрен в плане превалирования в нем черт частного лица и венценосца. *Ключевые слова:* А.К.Толстой; «Царь Федор Иоаннович»; государство, венценосец, политическая выгода; частная жизнь, трагедия.

Царь Федор наделен противоположными стремлениями, нежели его отец. Он отстаивает право быть человеком – свою личную независимость от политических выгод и частную жизнь. Но на протяжении всей второй трагедии (а частично и первой) пребывает в конфронтации практически со всеми персонажами. Сначала в «Смерти Иоанна Грозного» царевич Федор, устранившись от неожиданно *сваливающейся* монаршей обязанности, не дает отцу в случае его смерти ответа касательно войны или мира с Польшей. Н.А.Якоби считал, что этот герой, «забитый, запуганный, вызывает чувство сожаления. Детство его прошло в обстановке беспощадного угнетения. Федор привык к беспрекословному повиновению отцу» [1]. На наш взгляд, поступки героя свидетельствуют о хорошо организованной самозащите, активной реализации им своего нежелания. Федор еще при жизни Иоанна Грозного договаривается с Борисом, что тот займется государственными делами в его царствование. В дом Годунова он приходит один, без Ирины, жены-друга, постоянной советчицы, преданной помощницы и связующего звена между Федором и Борисом.

В «Царе Федоре Иоанновиче» в поведении главного героя, кроме самоустранения от политики, есть и еще нечто: «...желая свалить бремя власти на другого, он слишком быстро готов от всего отделаться, слишком поспешно хватается за Бориса» [2]. И особенно стремительно – в тех случаях, когда требуется принятие так называемой непопулярной меры. На любой державный вопрос

Федор смотрит как на приватный, относящийся к узкому кругу хорошо знакомых ему лиц. Это, как считает А.К.Толстой, *смешное, но заслуживающее улыбку, а неосмеяние*, пребывание на вершине общественной иерархии составляет важнейший принцип деятельности царя.

Отношения правителя Годунова, активно реформирующего страну, и князя Ивана Петровича Шуйского, главы бояр-реакционеров, для Федора всего лишь «напрасная вражда», а «благим делом» будет ее устранение. «Для него примирить враждующих – есть не только долг, но и наслаждение» [3], – замечает А.К.Толстой во втором «Проекте постановки». После формального рукопожатия противников, инспирированного Борисом и крайне неохотного со стороны Шуйского, царь откровенно игнорирует подданных, просящих у него защиты. Окончание второго действия, где Федор затыкает себе уши пальцами и уходит, чрезвычайно выразительно внешне и удивительно по психологической нюансировке характера героя.

А.К.Толстой поясняет: Федор «в этой сцене должен быть изображен ребенком в самом хорошем значении слова». Читатели (зрители) успеют полюбить героя и посочувствовать «неловкому положению, в которое он себя поставил» (III, 518) Федор получил *наслаждение от разрешения* конфликта, касающегося только его самого, Годунова и Шуйского. Царь откровенно не понимает, чего именно хотят выборные. Обманутые сторонники Шуйского, по его мнению, ни к *наслаждению*, ни к *разрешению* конфликта не имеют никакого отно-

шения. После ареста выборных, совершенного по приказу правителя, Федору кажется, что достаточно освободить их, и тем самым исчерпается новое противоречие. «Да я ведь уж исправил / Его вину перед тобой? Чего же / Тебе еще? Ничем он не доволен!» (II, 344), – недоуменно сокрушается герой. Ему представляется, что идейных политических противников можно по-семейному пожурить: «Ну, а теперь, как я вас помирил, / Так полно вам сердиться друг на друга! / Ну, полно, шурин! Полно, князь! Довольно! / Ну, поцелуйтесь! Ну!» (II, 343).

В подобной же – родственной – манере Федор пытается решать и другие стоящие перед страной проблемы. «Дмитрия к себе / Из Углича я выпишу сюда! / И мачеху, и мачехиных братьев, / Всех выпишу!» (II, 343), – восклицает он по поводу наиболее сложного вопроса своего царствования – династического. Федор упорно *не замечает* двойственного положения, занимаемого в существующей государственной системе родом Нагих, и того, что в Москве их столкновения с Годуновым чреваты гражданской войной. В итоге это стоит царевичу Дмитрию жизни.

Принятие в русское подданство Иверии сопровождается царскими комментариями в адрес ее властителя: «...вот чудак! / Что вздумалось ему?» и «...знаешь, шурин, надо бы ему / Подарок приготовить» (II, 334–335). Предложение баллотироваться в короли Польши не встречает у Федора должного энтузиазма: «...своих хлопот довольно», «...паны корону суют», «...что я с ней делать буду?» (II, 335–336). Возвращение бояр, бежавших при Иоанне Грозном за границу, кажется простым путешествием, переездом с места на место, оплаченным из казны: «...я им обещаю / Земли и денег, если пожелают / Вернуться к нам» (II, 336). Разногласия с собственным правителем, его отстранение принимают затем неожиданный оборот: «...неужель Борис / Не помирится, если я скажу, / Что виноват?» (II, 365). Реакция Федора на измену Шуйского, на заговор с целью низложения: «...иди, иди! Разделай, что ты сделал!» (II, 371). Распоряжения о расследовании смерти брата сосредоточиваются на указании: выяснить, успел ли он получить посланные «на той неделе» игрушки. И такие поступки, более подходящие частному человеку, нежели монарху, – целенаправленны и, в общем-то, в трагедии не исключительны. Самой серьезной провинностью, толкающей царя к крутой мере, оказывается открывшийся заговор с намерением отправить в монастырь его горячо любимую жену. Федор, не колеблясь, заключает заговорщиков в тюрьму, отдает их в

руки Бориса, фактически убивает. Возможно, он поступает так под влиянием минутного возмущения. Но, тем не менее, вопрос частного лица – в данном случае не развод, а отмщение обиды – здесь решается методом, доступным только царю. И получается, что Федор «не постоянно держится своего призвания быть человеком» (III, 517). Это делается главной его ошибкой и наибольшей опасностью для окружающих.

Обращает на себя внимание удивительно точно найденная А.К.Толстым деталь, маркирующая «переход» Федора от человека, отстаивающего достоинства и права свободной личности, к венценосцу. Особенностью русского делопроизводства во время, изображенное в трилогии, являлось то, что главой державы подписывались только внешнеполитические акты. Все остальные документы, т.е. внутренние, вступали в силу, будучи подписанными чиновником-дьяком. Указом царя было его *устное распоряжение*.

В третьем действии «Царя Федора Иоанновича» можно наблюдать процесс документального оформления государственных решений. Годунов приходит в покой своего августейшего родственника, согласно ремарке, «в сопровождении дьяка, который кладет на стол связку бумаг и две государственных печати, большую и малую» (II, 331). В течение сцены правитель – снова ремарки – будет вынимать из связки «бумаги», уже полностью готовые документы, и показывать их Федору. Царь, соглашаясь с Борисом в конкретных вопросах и демонстрируя, как он тяготеет происходящим, отдает иронические указания: «...ну, хорошо, привешивай печать», «...прихлопни их», «...прихлопни ж и ее», «...ну, хлоп по ней» (II, 334–336). Дьяк исполняет сказанное – скрепляет документы печатями, а по завершении дел «берет печати, собирает бумаги и уходит» (II, 337). А читатель (зритель) получает представление о характере Федора и способности действия государственной машины.

В четвертом действии к царю с приказом о взятии под стражу заговорщиков Шуйских – условия Годунова вернуться к обязанностям правителя – приходит Клешнин. «Прикажи мне приложить печать» (II, 365), – предлагает он. Затем, после саморазоблачения Шуйского, признания в намерениях низложить Федора и провозгласить царем его брата, стоя с печатью в руках, Клешнин дважды настаивает: «...прихлопнуть, что ль, приказ?», «...царь-батюшка, вели скрепить приказ!» (II, 370–371). Но Федор не позволяет: «Шуйский нам не враг!» (II, 372), – и без царского *согласия* вопрос не получает разрешения.

И вот Федор с явным опозданием узнает еще об одной интриге: «...ты новый брак прими, великий царь, / ... Ирину ж Годунову отпусти / Во иноческий чин» (II, 374). Теперь он сам «бежит к столу и прикладывает печать к приказу» (II 2, 375). Хотя Клешнин находится здесь же, но устной директивы Федору недостаточно. Он хочет *собственноручно* привести в действие тот механизм, который определит судьбу Шуйских. Далее Федор *распоряжается* отдать приказ Годунову. Слова «Борис вас разберет», «всех разберет он» (II, 376) становятся приговором Шуйским. Причем он выносится царем. Месть или политическая сообразность – аргумент правителя – здесь рационально используется венценосцем. Впоследствии мы видим отчаянное раскаяние Федора: «...моей виной случилось все!» (II, 400). Одновременно приходят известия о татарах под Москвой и насильственных смертях царевича Дмитрия и князя Шуйского. Царь осознает катастрофичность положения страны: «Род мой вместе / Со мной умрет. Когда

бы князь Иван / Петрович Шуйский жив был, я б ему / Мой завещал престол; теперь же он / Бог весть кому достанется! (II, 400).

С.Н.Березина отмечает, что, показывая Федора, сильного только одним нравственным чувством, автор представляет несостоятельного главу державы. «Отсутствие ума, воли, последовательности в достижении цели, мягкотелость и наряду с этим мучительное, напряженное искание правды, тоска по ней, утверждение ее, пусть практически и беспомощное, – сочетание всего этого позволило драматургу изобразить своего любимого героя безнадежно обреченным политическим банкротом» [4]. Потому завершает трагедию горестное восклицание Федора: «Боже, Боже! / За что меня поставил ты царем!» [II, 400]. В пределах трилогии его борьба за право оставаться человеком проигрывается. Развязка – надежда на покаяние, ропот, признание своей неправоты – закономерно переносится А.К.Толстым в трансцендентную сферу.

1. Якоби, Н.А. Трагедия А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович». Основные идеи и характеры // Традиции и новаторство в русской литературе: сборник трудов. Вып. 2. М., 1973. С. 266 (Якоби, Н.А. Трагедия А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович». Идеи и основные характеры // Ученые записки московского областного педагогического института. М., 1960. Т. 82. Труды кафедры русской литературы. С.77 – 83. Диссертации по гуманитарным наукам. <http://cheloveknauka.com/problema-ideala-v-tvorchestve-a-k-tolstogo#ixzz4RaGOBkby>)
2. Храмова, С.И. Драматургия А.К.Толстого // Рус. яз. и лит. в учеб. заведениях. 1997. №7–8. С. 3.
3. Толстой, А.К. Собрание сочинений: в 4 томах. М., Изд-во: Худож. лит-ра, 1964. Т. III. С. 516. В дальнейшем при ссылке на это издание номер тома и страница указываются в тексте.
4. Березина, С.Н. Из цензурной истории трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. №4. С. 104.

PRIVATE LIFE AS POLITICAL BANKRUPTCY OF TSAR ("TSAR FEDOR IOANNOVICH" OF A.K.TOLSTOY)

© 2016 E.A.Prokofyeva

Ekaterina A. Prokofyeva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Documentation and Information Activities. E-mail: canopa@yandex.ru

National Metallurgical Academy of Ukraine. Dnipropetrovsk, Ukraine

A.K.Tolstoy's tragedies "Ioann Grozny's Death" (1864), "Tsar Fedor Ioannovich" (1868) and "Tsar Boris" (1869) are independent works in principle. Nevertheless, they logically unite in the drama trilogy as are similar in a perspective, chronology, characters and collisions passing from one play into another. Thanks to it their contents is read not as a number of special cases from life of the Russian medieval imperial families and as the timeless ethical universal comprehending interrelation of a central government debt, historical and political expediency, legitimation of the power and humanity. The article analyzes the tragedy by A.K.Tolstoy "Tsar Feodor Ioannovich". The character of the protagonist is discussed in terms of domination in this hot private person and a crowned head.

Key words: A.K.Tolstoy "Tsar Fyodor Ioannovich", state, crowned head, tsar, private life, tragedy.

1. Iakobi, N.A. Tragediia A.K.Tolstogo «Tsar' Fedor Ioannovich». Osnovnye idei i kharaktery (A.K.Tolstoy's tragedy "Tsar Fedor Ioannovich". Main ideas and characters). *Traditsii i no-vatorstvo v russkoi literature: sbornik trudov. Vyp. 2. M., 1973. S. 266.*
2. Khranova, S.I. Dramaturgiia A.K.Tolstogo (A.K.Tolstoy's dramatic art). *Russkii iazyk i literatura v uchebnykh zavedeniiakh. 1997. №7–8. S. 3.*

3. Tolstoy, A.K. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* (Selected works: in 4 volumes). M., *Izdatel'stvo: Khudozhestvennaia literatura*, 1964. T. III. S. 516. Further at the reference to this edition number of volume and the page are specified in the text.
4. Berezina, S.N. *Iz tsenzurnoi istorii tragedii A.K.Tolstogo «Tsar' Fedor Ioannovich»* (From acceptable history of the tragedy of A.K.Tolstoy "Tsar Fedor Ioannovich"). *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki*. 1975. №4. S. 104.